

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №21 2023 ГАЗЕТА

Александр Куприянов / Божья коровка

КУПРИЯНОВ Александр Иванович

Родился в 1951 году в с. Иннокентьевка Хабаровского края. Работал собкором одной из самых популярных газет эпохи СССР «Комсомольская правда» — от должности корреспондента до поста ответственного секретаря газеты, члена редколлегии. Был собственным корреспондентом «КП» в Великобритании. Возглавлял, в разные годы, периодические издания «Российская газета», «Экспресс-газета», «Известия», «Столичная вечерняя газета»... Более десяти лет работает главным редактором газеты «Вечерняя Москва».

Александр Куприянов — автор повестей и романов «Лягунда», «Флейта Крысолова», «Таймери», «Жук золотой», «Не мой день», «Истопник», «Гамбургский симпатяга» и многих других. За роман «Надея» удостоен премии «Золотой Дельвиг». Роман «Истопник» был удостоен книжной премии «Терра Инкогнита», книжной премии имени Бориса Корнилова и награды от Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в номинации «Лучшая книга, написанная журналистом», по итогам 2019 года.

К 25-летию «Родной Кубани»

Поздравляем наших коллег, выражаем свое восхищение и признательность редакции замечательного русского журнала «Родная Кубань» в дни его 25-летнего юбилея!

Журнал навсегда вошел в историю отечественной словесности как духовный центр русской культуры, выступающий с «открытым забралом» в защиту традиционных исторических ценностей народа и государства. Журнал читают не только на Кубани, но и по всей России. Лучшие авторы страны почитают за честь публиковаться на его страницах.

Проза, поэзия, критика, публицистика «Родной Кубани» — наглядное подтверждение того, что русская литература живет, сражается за правду и побеждает в этой нелегкой борьбе!

Так держать, друзья!

За вами — прошлое, настоящее и будущее великой русской литературы!

Коллектив и редколлегия
«Роман-газеты»

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная коллегия:

Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный редактор
Елена Русакова

Художник
Ольга Ионайтис

Права на использование товарного знака «Роман-газета» принадлежат

ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2023
Все права защищены

Журнал зарегистрирован в Министерстве связи и массовых коммуникаций РФ. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68350 от 30.12.2016 г.

Подписаться на журнал «Роман-газета» можно в отделениях связи и через Интернет: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные индексы издания:

в объединенном каталоге «Пресса России» 38915 на полугодие; в электронном каталоге «Почта России» П1526 на полугодие

Точка зрения автора может не совпадать с позицией редакции

2023 №21 /1938/ Основана в 1927 г.

Александр Куприянов

Божья коровка

Амурская повесть

Имена и географические названия изменены. Любые совпадения случайны. Название Амура, великой реки моего детства, и залива Счастья, где зимовал русский адмирал, остаются неизменными во все времена.

Автор

Божья коровка, полети на небо!
Там твои детки
Едят конфетки.
Принеси нам хлеба
Черного и белого.
Только не горелого.

Детская песенка

Глава 1. БЕЛОЧКА

1

В окно общежития постучали. Негромко, почти деликатно. Степа с трудом оторвал голову от грязной, в пятнах и разводах, подушки. Так и есть. Пичуга с хохолком на голове стучала клювиком в стекло. Свиристель? В памяти всплыло само: «Домен: Эскарюты; Царство: Животные; Класс: Птицы; Отряд: Воробьинообразные; Семейство: Свиристелевые... Окраска розовато-серая». Степа махнул рукой: «А ну, кыш отсюда, воробьинообразное! Кыш...» Птица обиженно просвистела: «Кыш, кыш... Алкыш!» Степа тяжело вздохнул и отвернулся к стене с облупленной и потемневшей штукатуркой. Он знал, что не свиристель прилетел к нему. И не синица. Его навестил глюк. Некое видение, которое случается через месяц беспробудного пьянства. Впрочем, бывает, что глюк приходит гораздо раньше, через неделю. Давний приятель Степы, ихтиолог Ваня Беркин, называл такой глюк «белочкой». То есть белой горячкой. Степины глюки — сойки, бурундуки, зайцы и даже рыбки-харюзочки разговаривали со Степой в рифму. Потому что еще совсем недавно Степан учился на хорошем факультете в большом городе, писал стихи, играл в шахматы. И много чего

знал. И читал он запойно. Ночи напролет. Одна газета, «Тихоокеанская звезда», назвала его надеждой Дальневосточной поэзии. Теперь от стихов остались только глюки и белочки. Степа пил, лечился, два года служил истопником в десантном батальоне ВДВ, работал в рыболовецком колхозе и на заводе, снова пил... Степе недавно исполнилось сорок пять, но он уже горький птяница. А вот Ваня Беркин, птяница со стажем, бросил много лет назад. Однажды и навсегда. От испуга. В трескучий мороз Беркин шел по озеру Эпинэль на рыбосчетную станцию. И упал в снег. Но инстинкт таёжника сработал. Он заполз под опрокинутую вверх дном на берегу лодку. Чуть не отморозил пальцы на правой руке. Степа гонял с пацанами на коньках по озеру. Шли новогодние каникулы. Степа тогда еще учился в школе-интернате № 5 поселка Портамага. И он заметил уснувшего Беркина. Волосы Беркина уже схватило изморозью, а на усах и на бороде повисли сосульки. Руку Ивану отмачивали в проруби со студеной водой. Так Степу учил выхаживать обморозившихся охотников его дед — гиляцкий шаман Изгин. Беркин испугался, да так, что неожиданно для портамагинских и эпинэлевских бросил пить. Он говорил: «По ходу, не моя теперь тема!»

Птица продолжала стучать в окно.

— Ну, чего тебе надо? — спросил Степа, не обращаясь.

«Привет передай Эпинэлю. Не кормишь вторую неделю! Куда же теперь свиристелю?!» — пожаловалась птица.

При чем здесь Эпинэль? Степа тяжело встал с кровати, застланной солдатским одеялом, сунул ноги в торбаса с потрепанными голяшками и нашел банку с семечками. На столе стоял закопченный чайник с самогонкой, лежали в тарелке две холодные картошины, сваренные в мундире, и валялась горбушка батона белого хлеба. На дне чайного блюдечка — засохшая красная икра, уже присыпанная пеплом. С раздавленными бычками. Икра — местный деликатес. На Амуре красной икры — как картошки за Тверью. Картошка может быть деликатесом в Тверской губернии? Ну, вот так же и икра на Амуре.

Чайник хрипло булькнул: «Привет, Степан... И где стакан?»

Стаканов на столе не было. Степа махнул рукой: «И ты Брут?»

Про Марка Юлия Брута он помнил из истории Древнего Рима. Проходили на факультете.

Долгое время Степа интересовался историей. А потом уже увлекся животным миром. Волки, медведи, птицы. И бабочки. Домен: Эскаротиоты. Тип: Членистоногие.

Он перешагнул через Аньку, потеряевскую проститутку-малолетку, тоже из породы членистоногих

и воробыинообразных, спавшую на матрасе прямо на полу. Взял банку с семечками и вышел в парк. На улице было тепло. И он вышел без рукавиц и шапки.

2

Общага судоремонтного завода, длинный барак с заиндевевшими окнами, примостился на краю городского парка, прямо над Амуром. Из парка к реке вела аллея ильмов. Степан давно заметил, что пятипалые листья ильмов, упавшие осенью на дорожку, похожи на следы тигриных лап. Но сейчас листья засыпал снег, потому что ночью по лиману проползла росомахой, проухала кикунот метель. Кикун — по-гиляцки филин. Снега навалило по самые крыши. И Степа полной грудью вдохнул влажный воздух. И он определил: прошла последняя мартовская метель. И еще подумал: на Нижнем Амуре метель почему-то зовут бураном. Или пургой. Пахло горьковатым деревом сырой черемухи. Голова пошла кругом. И Степу отчаянно залихостило. Вывернуло прямо на чистый снег. Противно все-таки стало на душе. Блевать весной, в такую погоду?!

С веток ильмов и с наличников над окнами капало. После метели светило яркое солнце и звенела капель. Степа вырос в гиляцкой деревне на берегу озера Эпинэль. Он точно знал, когда встанет лед на реке, будет ли завтра буран или, наоборот, — приморозит. А в ночь первого снега он вообще не мог уснуть, до утра. Выходил в ночь и ловил снежинки.

Проваливаясь по поясу, Степа пролез к кормушке на ветке. Высыпал в кормушку пригоршню семечек. Кормушку он сделал из пластиковой бутылки из-под пива «Охота». Через крышку протернул бечеву-подвязку, а в стенках бутылки вырезал воротца, арками. Изолентой заклеил острые края, чтобы птахи не поранили лапки. Но птицы не летели на семечки. Они сидели поодаль на ветках и вертели головками. Степан давно заметил: если он приходил кормить синиц трезвым, то они садились к нему на плечи и даже на голову. И рассказывали таежные новости. Степа любил говорить с птицами. И еще он заметил: стоило ему выпить полстакана водки — даже воробьи тогда облетали кормушку за версту. Степины собутельники, и особенно приبلудная Анька, порывались накормить птиц размоченным хлебом. Степан запрещал категорически — погибнут. Только семечки! Собутельники семечки берегли. Самим часто закусывать было нечем. Плавленый сырок «Лето», пара вяленых корюшек и семечки. Снизу, от реки, раздался крик каюра: «Та! Та-тах!» Полозья нарты свистели по зернистому талому снегу. На всем Амуре, в лимане и на Охотском побережье, не осталось ни одной собачьей упряжки. От Потеряевска, городка в устье великой реки, до са-

мого мыса Погиби на острове Сахалине гиляки разучились разводить ездовых собак. Когда-то, давным-давно, на упряжках они возили почту в Аян, Охотск и даже на Сахалин. А потом пришли аэросани, прилетели самолеты, приплыли корабли. Они привезли порохов, бусы, огненную воду, брезентовые куртки и резиновые сапоги. Не надо было больше разводить собак. И гиляков стали называть нивхами. Считалось, что «гиляк» слово обидное. Осталось от царизма. Степа так не думал. Гиляк от слова «гилэ» — лодка. Гиляк полжизни проводит в лодке. Собачья упряжка сохранилась у одного человека, русского Вани Беркина, районного ихтиолога. Он и гнал сейчас своих собачек по ильмовой аллее. И еще Степа знал, что упряжку ведет лохматый вожак по кличке Кучум. И тоже ведь давнишний дружок Степы. Степа обрадовался. Беркин обязательно привезет опохмелиться. Такой он, Ваня Беркин. Человек-гигант в нерпичьей парке и в высоких меховых сапогах. Их называют бокарями. Но это не совсем по-гиляцки. Меховые сапоги из оленьей шкуры, «бокари», придумали оленеводы-ненцы, на Таймыре. У нивхов торбаса. Собачки сноровисто пошли в гору. Легкие и длинные сани-нарты чуть не занесло на повороте. Криком «Пор! Порр-порр!» и торбасной палкой, которая по-нивхски называлась каури, Беркин выровнял нарты. Кучум бросился лапами на грудь Степана, лизнул горячим языком и шепнул на ухо: «Ну, что, брат? Пропадаешь?»

Синицы и воробьи загалдели в кустах черемухи: «Пропадает-пропадает! Снег не тает и не тает!» — что было неправдой. Снег уже таял всюду. Степан понуро повесил голову. Беркин привязал упряжку. Каждой собаке он бросил по куску юколы, сухой рыбы-горбуши. Ваня с утра не кормил упряжку. Какой же каюр кормит собак в дороге?

— Давно бежишь? — спросил Степан Ваню.

— У Портамагинских ночевал, — ответил Беркин. — В дом к себе приглашать будешь?

— Да какой у меня дом? — ответил Степа. — У меня нынче не дом, а, согласно последним опросам ВЦИОМа, бомжатник. Вот как, честно говоря, Ваня, у меня получается.

Нивхи, особенно образованные, любят добавлять в свою речь обороты, которые кажутся им интеллигентными и литературными. Они говорят: «Согласно переписи населения... обнажая социальные язвы общества... удерживая пальму первенства». Ну, и так далее. Степа, по правде говоря, был образованным гиляком. Лингвисты-этнографы, в институте на лекциях, утверждали, что у нивхов вообще такая культура речи. Гиляк не говорит: «Обмел торбаса и вошел в чум друга». Он говорит: «Входя в чум моего друга, охотника с отрогов Джугджура, я веточкой пихты обмел свои торбаса от пушистого снега».

Нивхи велеречивы.

3

Потеряевский-на-Амуре судоремонтный завод закрылся. В бывших цехах, напротив стаппелей, коммерсанты поставили торговые ларьки, игральные автоматы и проложили каучуковые трассы. Теперь здесь можно было выпить японского пива, купить ребятишкам липких китайских «чупа-чупсов», хрустящий «Ролтон» — пацаны грызли лапшу сухой — и покататься на юрких машинках с резиновыми намордниками. Всё вместе называлось торгово-развлекательный комплекс «Лиман». Степа работал на заводе в цехе КИПиА. Контрольно-измерительных приборов и автоматики. Бригадирствовал, у начальства был на хорошем счету. Работяги разъехались по нижеамурским деревням и поселкам ловить горбушу и кету, браконьерить калугу, здешнюю царь-рыбу. С одной самки — ведро черной икры. А те, кому ехать было некуда, остались в общаге. Брошенное общежитие скоро стало бомжатником, куда на зимовье потянулись, как перелетные гуси, местные бичи и бичихи. Анька, девчушка с фиолетовыми волосами и подглазьями такого же цвета, была одной из них. Родителей своих она не называла. Может, просто не помнила. Сбежала из интерната № 5, где когда-то учился и Степа. Это их и сблизило, хотя Аньке было всего лет семнадцать, то есть она годилась Степе в дочери. Анька, увидев вошедшего Беркина, поднялась с матраса, гибко потянулась:

— Какой дяхан прикольный... Прямо из кино! Выпить принес, дяхан?

Плечистый и бородатый Беркин, и правда, был одет в высокие торбаса-бокари и куртку-парку из нерпичьей шкуры. Капюшон куртки, горностаевый, лежал на плечах. Современных гортексов и фирм типа «Columbia» Беркин не признавал. Штаны-шаровары у него были пошиты из пыжика — шкур молодых оленят. Он и мясо до сих пор любил есть по-гиляцки, с ножа. А рыбу сырую Беркин не любил. Только жареную и копченую.

Степа потряс грязным чайником, уже поржавевшим с боков. На дне что-то булькнуло. И вопросительно посмотрел на Беркина. Из рюкзака Иван достал бутылку-фляжку армянского коньяка, кружок копченой колбасы в вакуумной упаковке, пачку сигарет и бутылку лимонада «Буратино». Лимонад «Буратино» Степа с детства любил.

— Похмеляйтесь. А ты, Степа, собирайся в дорогу. Поедешь со мной на Эпинэль.

Вот почему птица попросила Степана передать привет родной деревеньке! Таежные птицы о многом узнают раньше людей. С полки, где стояло несколько потрепанных книжек, Степа достал чайные чашки. Белые, с красными пятнышками. Анька протерла их подолом своего халатика. Коньяк обжигал.

Степа затряс головой. Вот что значит огромный жизненный опыт! Ваня Беркин знал, чем помочь своему уставшему другу.

— За чем пойдем? За сигом, за корюшкой? Корюшку еще рано ловить... Недели через две.

— Белочку-то ловишь, однако, — сказал Беркин.

— Давно уже ловлю, — согласился Степан, — если обнажать социальные язвы общества...

И снова потянулся за бутылкой.

Беркин коньяк отодвинул

— Не часті обнажать... Успеешь еще. Будешь работать у меня на станции рыбосчетчиком. А если останешься в городе, то до лета не дотянешь. Ласты завернешь... Ты же поэт! А поэт должен жить в гармонии с природой. Вот и поживешь. К себе домой вернешься. Тайга, речки, сопки... Твои любимые бабочки и стрекозы. Утес Матери-Природы на Талаканском створе помнишь? Паспорт не пропил еще?

Степан, недовольно сопя, из-за тех же книжек на полке достал паспорт.

Анька вскинулась:

— Пстой, Чурка! А как же я? Ты меня бросишь?

Беркин осуждающе покачал головой:

— Тебя, Степа, скоро посадят в тюрьму. За педофилию и растление малолетних... Она что же — тебя Чуркой зовет?

— А я и есть Чурка, — грустно ответил Степан, — согласно купленному билету.

Чашка, из которой он пил коньяк, тонко прозвела: «У белки тоненькая шкурка. Она к тебе вернулась, Чурка!» Беркин открыл паспорт и прочитал: «Чурка, Степан Изгинович... Место рождения — стойбище Эпинэль. Прописан: город Потеряевск-на-Амуре, улица Лиманская, четырнадцать, комната десять».

— Так ты, Степа, не поменял фамилию?

4

С фамилией Чурка, которую Степа считал самой обыкновенной фамилией, приключалось вот что. Первый раз он столкнулся с непониманием, когда в районной газете «Амурский рыбак» решили напечатать его юношеские стихи. Учился на первом курсе, приехал на каникулы домой, на Нижний Амур. Литсотрудник заметил:

— Вы знаете... Как-то маргинально звучит — поэт Чурка... Может, псевдоним поставим? Да вот хотя бы по названию вашей деревни. Степан Эпинэль! Красиво, согласитесь!

Степа обиженно засопел. Он с детства был упрямым.

— Мой дед Изгин Чурка... И отец — тоже Изгин Изгинович Чурка. Какой еще Эпинэль?

— Откуда у вас такая фамилия, Чурка?

Степа хэкнул.

— В стойбище приехали урядник и писарь из Потеряевска. Переписывать население. Давно это было, при царе. Первым подошел самый уважаемый человек в деревне — шаман Изгин, мой дед. Или прадедушка. Так мне отец рассказывал. По-русски шаман говорил плохо. Урядник его спрашивает: «Как твоя фамилия?» Дед отвечает: «Изгины мы, понимаешь... Изгины!» Писарь говорит: «Нет такой фамилии!» Урядник махнул рукой: «Да какой он там Изгин-Пизгин? Чурка обыкновенная... Гиляк! Так и запишем — Чурка». Еще хуже давали фамилии. Пердун, Рыгун, Бодун, Ибун... Другие и говорить не буду.

Литсотрудник засмеялся. Стихи в газете вышли под фамилией Чурка. Главный редактор устроил литсотруднику нагоняй. Читатели смеялись и присылали глумливые письма. Литсотрудника звали Рутен Аюшин. Он был молдаванин и писал детские стихи. Рутену понравилось четверостишие Степы: «Потеряевск-на-Амуре развернулся впереди... Потеряй, давай закурим! Не могу не закурить!»

В конце третьего курса Степу из Института народов Севера отчислили, несмотря на то, что учился он почти на «отлично». Выгнали за систематические нарушения учебной дисциплины. Понятно, да? Тогда с «белочкой» он уже дружил. Но еще не крепко, не по-настоящему. На призывном пункте военкомата Степу спросили, что он умеет делать? Степа попросил чистый лист бумаги и карандаш. Без линейки и циркуля провел две параллельные прямые. Потом второй раз и третий. Работник военкомата не поленился и сбегал за циркулем. Линии оказались идеальными. «Откуда?» — спросил офицер. «Природное!» — гордо ответил Степа. И еще он попросил прочитать вслух кусок какого-либо текста. Любого. Да хоть бы из устава караульной службы. Тут же повторил по памяти. Слово в слово. С детства Степан помнил все гиляцкие сказки и песни. Правда, военкоматовские определили его всего лишь писарем-истопником в штаб десантного батальона. Топил печку в зимней палатке и оформлял стенгазету «Стропы». Он еще и рисовать умел. Хорошо получались карикатуры. Лица людей Степа рисовал похожими на мордочки зверей. Десантно-штурмовой батальон все время находился в командировках. Служили на выезде. Случалось, что и остатки банд крошили в горах. Приказы печатали уже на компьютере, но иногда Степе доверяли чертить оперативные карты для разведчиков. Однажды озабоченный комбат громко сказал в штабе: «Хорошо бы выкрасть знамя условного противника... Нужен ухарь, который незаметно проберется к ним...» Проходили учения ОГВ-С. Объединенной Группы Войск-Сил. Степа вытянулся в струнку: «Разрешите мне, товарищ ко-

мандир батальона!» Комбат, со Звездой Героя России на куртке, с розовой кожей младенца на лице и без бровей — горел в танке во Вторую чеченскую кампанию, недоверчиво глянул на узкоглазого и слегка чумазого истопника, которого в батальоне почему-то прозвали Чуркой. Хотя, понятно — почему. Печку он топил чурочками бука, мандариновыми на срезе. И тогда в солдатский сидор Степа бросил штык-нож, пачку индийского чая «Три слона», железную кружку и стальную треногу с цепочкой. Спички «Охотничьи», с серными головками, конечно, тоже прихватил. Не гаснут под дождем. Обеззараживающие воду таблетки завернул в фольгу. По условиям учений Степу выбросили ночью с парашютом на пересеченной местности площадью в тридцать квадратных километров. Через четыре дня он вернулся, обмотанный, под маскхалатом, в несколько раз вокруг тела, шелковым полотнищем знамени условного противника. Комбат опешил:

— Так ты... Ты, наверное, и стрелять умеешь?

Поехали на командирском УАЗе. На заброшенной ферме был оборудован стрелковый тир. Степа стрелял из «калаша», из пистолета, из снайперской винтовки с оптическим прицелом. Стрелял с завязанными глазами, через плечо, с бедра — по-македонски. Ни одного промаха. Комбат Степу расспрашивать не стал. Но в ОГВ-С уже пошел слух о группе дерзких диверсантов, которые с помощью ястреба-охотника выкрали знамя у легендарных парней с Кубинки. Сорок пятая гвардейская бригада ВДВ.

Комбат вызвал Степу для оформления наградных документов.

— Правда, что твоя фамилия Чурка?

— Так точно, товарищ подполковник!

— Прикинь: комбриг вручает орден перед строем: «За личную храбрость и мужество, проявленные при выполнении особого задания, орденом Боевого Красного Знамени награждается Чурка!» Не здорово? Давай напишем... Ну, хотя бы Чуркин, что ли?

— Никак нет, товарищ подполковник! Моя фамилия Чурка.

Комбат поскреб подбородок. Потом неожиданно достал фляжку и плеснул по рюмкам.

— Ну, хорошо, сынок... Правда, что ты пустил на часового у знамени какого-то ястреба?

— Никак нет, товарищ полковник. В силочку поймал филина-кикуна, а ночью выпустил в штабе. Они по ночам так орут, что даже вы, извините, перепугаетесь.

Он сказал, конечно, другое слово, не очень культурное. Комбат поморщился. Степа не стал говорить командиру, что с ночным филином он заранее обо всем договорился... Молодой подполковник, которого уже ничем нельзя было удивить, в такую сказку не поверил бы. Филин так ухал и махал крыльями,

что солдатик-часовой чуть не выпустил по кикуну очередь из автомата. Пока он гонялся за филином по коридорам штаба, Степа ножом полотнище флага с древка срезал. Часовой только утром заметил пропажу знамени. Степа уже был далеко.

— Ну, хорошо... Допустим. Но ты четыре дня ничего не жрал! Неужели один чифирь пил?

— Я у помойки полковой прятался. За баками. Выбрасывают и макароны, и хлеб, и картошку целую. Варил в кружке. Разводил костерки небольшие и варил.

— Да, остатки костровищ они нашли. Замаскированные дёрном... А собаки на помойках? Они же все время там крутятся. На незнакомых лают и нападают.

— С собаками и совами всегда можно договориться, товарищ подполковник!

— Ты умеешь договариваться?

— Так точно!

— Не такточидай... Называй меня Роман Игнатьевич... Значит, белку в глаз бьешь?

— Белку, горностаю, соболя, песца.

— А где научился?

— Я — гиляк. Родился и вырос в тайге, на Нижнем Амуре.

— Инструктором, в учебное подразделение, пойдешь служить.

— Если можно, Роман Игнатьевич, оставьте в писарях. И печки я люблю топить.

— Дурак ты, что ли? Лейтенантом станешь. Или боишься?

— Не могу убивать, Роман Игнатьевич.

— Так ты с детства убиваешь, парень!

— У нас, у гиляков, вера такая. Зверя убиваешь, а душа его остается живой. Душа бессмертна. А если убиваешь человека...

Комбат посмотрел на Степана внимательно и перешел на «вы».

— Послушайте, рядовой Чурка! Здесь по горам недавно бородатые люди бегали — пострашнее зверя! И на знамени у них волк. Вы думаете, мы хотели их убивать?

— Можно, Роман Игнатьевич, скажу честно?

— Говори, сынок!

— Охотник я хороший, Роман Игнатьевич... Но я алкаш... Запойный алкоголик. Вот с вами выпил пятьдесят граммов, теперь могу только через месяц остановиться.

Комбат побагровел:

— Хватит сказки про душу и про алкашей рассказывать. Есть присяга, наконец! Еще один пацифист на мою голову выискался. А чего тогда за знаменем побежал?

— Надоело... Чуркой все обзываются. А Чурка ведь моя фамилия.

Степа не стал говорить командиру, что, кроме чифиры и картошки, он пару раз заваривал мухоморы. Совсем немного — по шляпке на кружку. Мухомор, оказывается, шибко *витыривает*. Отвар из мухомора посильнее энергетического напитка будет¹, того, который сейчас продают в баночках почти во всех киосках. Еще в киосках продают джин с тоником. И водку с апельсиновым соком. Тоже в баночках. Называется «отвертка». Но Степа мухоморы любил больше, чем «отвертку».

5

Анька коньяк тоже больше не пила. С тревогой наблюдала за сборами Степана. Поначалу Степан отнекивался. Дескать, давай, Ваня, дождемся начала навигации. Скоро лед тронется. На пароходике ОМ-5 доплыву до Портамаги, потом на моторке до Эпинэля рукой подать... Но Беркин был неумолим. Он сказал сердито:

— Я помню, Стёпа, как ты спас меня. Теперь настала пора тебя выручать. Питерские умеют быть благодарными.

Беркин был родом из Ленинграда. Лиговский трудный подросток. Гонял по крышам голубей. И специальной провололочкой-крючком катал по мостовой обруч. Еще играли в «жёстку», «ножечки» и в «пристенок» — на деньги. Там и техникум какой-то, по рыбе, закончил. Почему-то «жёстка» считалась игрой шпаны, хулиганов и урок. Внутренней стороной стопы, там, где косточка, нужно было подбросить свинцовый груз, обшитый любимым мехом. От шубы, старого тулупа или беличьей шкурки. Если свинцовая бляха попадала на косточку, то из глаз сыпались искры. Ваня мог подбросить «жёстку» пятьдесят раз. На Лиговке находились ухари, выбивающие сотку. В Степины времена игру в «ножечки», «пристенок» и «жёстку» забыли. Пацаны узнали слово «джойстик».

— Конечно, русские умеют быть благодарными, — ответил Степан с ехидцей в голосе, — пошли встречь солнца, у гиляков все отобрали. Рыбу, лес, соболей, нефть, золото... Научили водку пить и наградили триппером. А теперь спасают!

— Триппером она тебя наградит, — сказал Беркин, — если уже не наградила.

И кивнул в сторону Аньки. Было понятно, что они со Стёпой продолжают давний спор. Между тем Степа решил — да, надо собираться. Он понял, что возвращение в родные места — для него возможный выход. В рюкзак, выгоревший на солнце и вымочен-

ный дождями, побросал пару застиранных и заштопанных тельняшек, ботинки-берцы и солдатский штык-нож, правда, в ножнах. Ножны были выточены из моржового клыка. С той же полочки достал книжки — «Дерсу Узала» Арсеньева, «Алитет уходит в горы» Тихона Сёмушкина, «Васька-гиляк» Рувима Фраермана. И сборник стихов Иосифа Бродского «Письма римскому другу». Книги были старые, потрепанные. И только сборник Бродского как новенький. «Алитет» про чукчей и про Советскую власть. «Васька-гиляк» — понятно про кого. А «Дерсу Узала» про гольда-проводника. Дерсу сказал, увидев тигра: «Он тоже люди». В тайге «люди» были все — белки, медведи, соболи и мышки. Маленькие люди. Степа книжки про тайгу любил с детства и таскал за собою повсюду. Бродского считал земляком и великим поэтом. Степе вообще нравилось читать. Он словно попадал в другие миры. А учился он в известном Институте народов Севера, в Питере. Поэтому и Бродский — земляк. В кармашек рюкзака спрятал коробочку с медалью. Орденом его тогда, за добытое знамя, так и не наградили. А вот медальку прицепили на гимнастерку. И фамилия Чурка командованию не помешала наградить Степана. И первое звание присвоили — ефрейтор. А что? Ефрейтор Чурка — звучит!

Анька вдруг заплакала. Заскулила некрасиво, размазывая фиолетовые тени под глазами.

— Дяденька Беркинд! Возьмите меня с собой... Они меня здесь изнахратят.

Иван хмуро посмотрел на нее. Как будто еще не изнахратили.

— Во-первых, не Беркинд, а Беркин. Во-вторых, там — мороз, тайга, дожди и комары... Водки и дури не будет. Степану такая жизнь знакома. А как ты, без дискотеки и бухла, проживешь? И одежда... В чем поедешь? Сейчас тепло, а к ночи приморозит.

Он посмотрел на Степана. Степан взгляда не отвел. В глазах Степы читалась просьба.

— Ну, хорошо. Заедем в управление... Попробую тебя поварихой оформить.

Он сходил к нарте и принес одежду для Аньки. Короткую оленью дошку с капюшоном и теплый комбинезон на синтепоне. По-старому говоря, на ватине. Современный, с ярко-желтым лейблом на груди. Комбинезон оказался впору. Как будто Беркин знал, что сегодня у него будет пассажирка.

— Моей жены одежда, Татьяны, — пояснил Беркин, — она у родственников в Портамаге остановилась. Ей комбинезон все равно уже стал маловат... Мне придется сначала вас на озеро отвезти, потом за Татьяной ехать.

Управление «Амуррыбвода» стояло рядом с рынком — внизу, под самым обрывом. В управлении Беркина и Степу хорошо знали. Степан уже как-то работал рубсчетом на станции. А Беркин вооб-

¹ См. Приложение «Из записной книжки Степана Чурки». Сноска 10.

ше был ветераном управления. Аньку же принимать отказались.

— У вас нет в штате поварихи, — сказала заведующая отделом, худая тетка в безрукавке и в валенках. — Потом у нее ни справки, ни паспорта... Тебе восемнадцать-то есть?

Анька, присмирившая, тихо ответила:

— В мае восемнадцать будет.

— Вот в мае и приходи, — сказала тетка.

И с неодобрением посмотрела на Беркина. Правду говорят: седина в голову — бес в ребро. И где только нашли такую малолетку? Ишь, повариха! Она вам наварит каши... Не расхлебаете! Закупились здесь же, на набережной, в магазине «Дары природы». Он так назывался, хотя продавали в нем все, что нужно охотнику для таежной жизни. Степа уже слегка поправился — коньяк сработал, и сам тщательно подбирал продукты. Рис, гречка, мешок муки, чай, кусковой сахар. Понимал, что едут не на пикник. Отдельно — растворимый кофе и твердый сыр. По утрам, в тайге, Степа любил себя побаловать кофейком. Уж и не помнил, когда у него появилась такая привычка. Пальчиковые батарейки для транзистора, пластырь, йод и бинты, коробка с таблетками... Ящик тушенки и пару булок свежего хлеба. Беркин с сомнением посматривал на груз. Поместится ли на нартах, увезут ли собачки? Степан увязал все тщательно. Увязывал цветным шнуром — тросом для автобуксировки. Поместилось. Сильно радовался Кучум, что Степа собирается в дорогу. Собака ластилась, крутилась у ног, вглядывалась в лицо дружбана. Степа заглянул в газетный киоск, тоже в «Дарах природы». Сюда привозили газеты, открытки, сигареты, зажигалки и новые книги. Еще в киоске продавали «сопутствующие товары»: чупачусы, презервативы и календарики-иконки.

Пожилая продавщица проворчала:

— Давненько тебя не было, Степан... Вот новая книжка про Потеряевск. Какой-то молодой парень пишет, Вовченко. Наш земляк. Тебе интересно будет.

Беркин книгу купил. У Степана денег не было.

Да у него и по жизни-то никогда толком не было денег. Анна, потупившись, попросила ей купить два календарика. На одном была изображена Дева Мария. На другом — Никола Угодник. Почему-то их выбрала Анька.

Да и делов-то — всего каких-то сто пятьдесят рублей за две бумажные иконки.

6

На косогоре остался памятник мичману Потеряеву. В честь мичмана и назвали город. Честно говоря, памятник был не очень, не впечатлял. Кудрявый мичман с аксельбантами и кортиком на бедре смотрелся

мальчишкой-подростком. Поставили памятник давно, город рос, строили многоэтажки, и памятник потерялся на фоне новостроек. Единственное, что было хорошо — мичман по-прежнему зорко вглядывался в даль лимана. Как будто намечал маршруты своих новых открытий. Про нижнеамурские места русский царь сказал однажды: «Там, где поднят русский флаг, он опускаться не должен». Так он сказал про капитана Невельского, который без высочайшего на то повеления вошел в устье великой желтой реки и обосновал здесь первый русский пост.

А судьба Потеряевска оказалась неудачной. Сначала его называли морскими воротами России. Потом открыли Императорскую Гавань и порт Владивосток. Японские суда перестали ходить через Потеряевск в Портамагу за лесом. Закрылся судоремонтный завод, рыболовецкие колхозы гибли один за другим. Все тони на побережье захватила частная компания. Золотодобывающие артели тоже ушли из района. Люди покидали Амур. А когда-то шли сюда, за фартом и волей. За новой жизнью. Что нашли и что потеряли? Беркин и Степан часто спорили. Начинал всегда Степка:

— Потеряевск он и есть Потеряевск! Всё мы потеряли... И рыбу, и лес, и золото. Вот ты говоришь: Япония, прибрежная торговля... А ты знаешь, что японцы делают? Скупают у гиляков и эвенов коврики-кумаланы из оленьих шкур, выделывают из них замшу, а потом перчатки и куртки нам же впаривают. Вот и вся ваша прибрежная торговля!

Беркин возражал:

— Много ты знаешь! А технику тяжелую, катерпиллеры и бульдозеры, кто поставляет? Япония. Все вскрышные работы на золотоносных полигонах ведут японские трактора. Про рыбалку отдельный разговор. Один комбинат «Восточный» дает продукции больше, чем давали все гиляцкие колхозы в прежние времена. Броня и Поздняк пьяниц таких, как ты, в рыболовецкие бригады не берут.

Броня и Поздняк — два местных олигарха — владели комбинатом «Восточный». У Брони фамилия Бронин, у Поздняка Поздняев.

Беркин продолжил:

— Теперь про золото... Артели начинают возвращаться в район.

— Недобрали рыжья. Речки загадят! А насчет лодырей... Ты знаешь, как я умею работать!

— Полгода уже пьешь в общаге! Работничек...

— Чтобы ты знал — я последний гиляк на Нижнем Амуре.

— Ну, пошел хвастаться! Сейчас начнешь рассказывать про республику.

Рыжьем, по старинке, называли на Амуре золото. А насчет похвальбы... Водилась за Степой такая особенность. Он любил, особенно по пьяному делу, по-

рассуждать о создании отдельного государства — Республике малых народов Севера и Дальнего Востока. В студенчестве его вызывал к себе в кабинет куратор, тогда еще, кажется, из КГБ — или уже ФСБ было, и предупреждал: «Ты не сильно разглагольствуй с земляками о том, как вы без русских хорошо жить будете... И создадите свою республику. Мы тебя из института в армию выгоним. Защищать родину. Там тебе быстро мозги вправят».

Степа из наук особенно уважал историю. И Древней Греции, и Рима. Начал писать курсовую работу о завоевании русскими первопроходцами Сибири и Дальнего Востока. Преподаватели говорили, что у него получается кандидатская диссертация. Географические названия родных мест вызывали у Степы жгучее любопытство. Почему его деревушку, затерянную между озером и Амуром на самом краю земли, назвали французским словом Эпинэль? Откопал в архивах. Оказывается, однажды в их края пришел пастор-миссионер Эпинэль. То ли протестант, то ли католик. Пастор привел в деревню корову. Поил детей молоком. Одна маленькая девочка умерла. Она умерла по какой-то другой причине. Наверное, простудилась. Но старики нивхи решили, что в болезни виновата «белая вода». И сбросили миссионера с высокой скалы в том месте, где река впадала в озеро. Потом протоку забило стволами деревьев — во время весеннего паводка, затянуло корчами, илистными мелями и галечными косами. Скалу, с которого нивхи сбросили француза, назвали мысом Убиенного. А стойбище — Эпинэлем.

7

Прошли Найду, когда-то тоже древнее поселение нивхов. Сейчас здесь, по склону пологой сопки, горбатились дачные домики-курытники. Виллы не было ни одной. Неказистые строения с шиферными крышами, строительные вагончики с трубами буржуек. На склоне второй сопки разбежалась Кентёвка — русская деревня, основанная беглыми с сахалинской каторги еще в конце девятнадцатого века. Каторжан звали *сахалами*. Теперь в деревне жили их внуки и правнуки. Неразговорчивые и суровые мужики, у которых к сорока годам на лбу залегает глубокая морщина. Ее называют морщиной гнева. Мужики острой били кету-зубатку и в сети-оханы, сплетенные из веревки толщиной в палец, ловили калугу. Когда-то, говорят, и на медведя ходили с рогатиной.

Нарты шли хорошо. Со свистом скользили по выпавшему ночью, сразу ставшему ноздреватым, снегу. Собаки бежали споро. Останавливались изредка. Выкусывали льдинки на подушечках лап и в шерсти, между пальцами. У ездовых собак на лапах по четыре

пальца. На передних лапах бывают два дополнительных, которые называют «прибыльными» пальцами. Считается, что прибыльные помогают собаке сохранять устойчивость при резких поворотах. Степа помнил, что дед Изгин прибыльные пальцы щеночкам удалял. Отсекал тонким ножиком. Щеночки жалобно скулили. Дед считал, что ездовой собаке пятый палец не нужен. Степа деда Изгина почти не помнил. А вот как плакали щенки, забыть не мог. В упряжке Беркина все собаки были с прибыльными пальцами. Влажный снег быстро намерзал в таких лапах. Кучуму льдинки обдирал Степа. Такова была привилегия жожака. Кучум валился на спину, и Степа острым ножом счищал ледышки. В холодные ночи жожек мог заползти в палатку каюра, погреться у печурки. Остальные нартовые собаки спали, зарывшись в снег.

Тормозила бег упряжки Кальма, молодая и дурковатая сука рыжей масти. Бежала пристыжной во второй, сразу за жожаком, связке. И все время норовила куснуть за ноги бегущую рядом собаку. Алык, грудная ляжка для потяга, сбивался на груди у Кальмы. Собака валилась, путая постромки. Упряжка вставала. Кучум подскакивал и трепал Кальму за загривок. В Портамагу заехали на полчаса. Беркин хотел предупредить жену, что вернется за ней только к вечеру. Татьяна, розовощекая и улыбчивая, вышла из хаты в телогрейке, приглашала попить чаю. И растегаи только что испекла, с сигом. Но Беркин посмотрел на небо, потом на часы и сказал, что надо спешить. Он сказал, что, кажется, они догоняют пургу. А Степа уже знал о приближающемся буране. На стоянке, возле Найды, Кучум тихо прорычал: «Остор-рожнее, Степан... Пр-р-р-иближается бурран... Свой «Ар-рмянский» спрячь в кар-рман...» Степа понюхал воздух и покрутил головой. Еще удивился — надо же, как долго глюки бродят в проспиртованной башке. Бутылку-фляжку с остатками «Армянского» он ловко, чтобы не заметил Беркин, сунул во внутренний карман своей аляски. И сейчас слышал, как коньяк ласково булькает на груди, у сердца. Оставалось еще больше полбутылки. Степе хотелось сделать глоток. Но он знал, что Беркин заругается.

8

Циклон родился за Джугджуром, в кратере давно потухшего вулкана Кондёр. В Кондёре геологи нашли платину и золото. Циклон взвыл волком, покрутил, словно хвостом, мелкой и колючей крупой. И выпрыгнул на волю. Прошелся над Татарскими островами, по побережью, от поселка Мар-Кюэль до рыбалок на мысах Туир и Оре-Миф. И накрыл городок Потеряевск. Дальше его путь лежал по Амуру, до озе-